

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

TATA LIY

АНЧУТКА

Тата Шу Анчутка

<https://litres.ru/74335259>

SelfPub; 2026

Аннотация

Юля — внучка генерала полиции, лейтенант, оперативник отдела по борьбе с наркотиками. Она привыкла держать удар, идти напролом и полагаться только на себя. Но перед одним испытанием её упрямство оказывается бессильно: перед замужеством с человеком, которого дед с первого взгляда называет «слишком правильным». Чуйка старого генерала редко подводит, однако разве можно объяснить любовь логикой?

Она живёт, работает и старается не замечать странных звонков мужа. Но в один вечер происходит событие, заставляющее её взглянуть на свою жизнь иначе, — и тогда Юля решает действовать так, как учил дед: жёстко и без оглядки.

На пути к свободе она встречает человека, чьё прошлое покрыто мраком. Он — тот самый, маленький бес, который появляется из ниоткуда и умеет ждать.

Сможет ли она принять мужчину с криминальным прошлым и не испугаться его тени? И готова ли он оставить свою войну ради тихого домашнего счастья?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Тата Шу Анчутка

Глава 1

Юля родилась в не совсем обычной семье. А если честно — в совершенно обычной. Папа, мама, дедушки, бабушки, тёти, дяди — как у всех. Вот только профессии у родителей вышли не самыми домашними. Папа с мамой работали на торговом флоте. Пять месяцев — по морям, два — дома. Иногда график смещался, случалось, пропадали и по полгода, но сути это не меняло: Юля росла не столько с ними, сколько с дедом и бабушкой.

По отцовской линии. У Шубиных.

Дед, Василий Викторович Шубин, был фигурой тяжёлой, как якорь, который не сдвинешь с места. Начинал когда-то в советской милиции, прошёл Чечню, перестроечный бардак, нулевые. Перевели в Москву, где дослужился до генерала полиции. При этом ни капли не растерял того, с чего начинал: характер остался волевым, взрывным, жёстким. Мог гаркнуть на подчинённого так, что тот бледнел и неделю ходил на цыпочках. Мог и крепким словцом приложить — точно, сочно, после чего человек ещё несколько минут отходил и собирал себя по кусочкам.

При этом внучку свою он любил без памяти. Только показывал эту любовь без всяких нежностей. Вместо «лапуля» у него было «дело говори», вместо поцелуев — суровая оценка успеваемости и короткое: «Молодец. Так держать».

Бабушка, Елизавета Юрьевна, была полной противоположностью — тихая, миролюбивая, мягкая, как старое байковое одеяло. Всю жизнь проработала воспитателем в детском саду и привычку к детям перенесла и на дом, и на внуку, и даже на грозного генерала, которого называла «Вася, медведь ты мой косолапый». Именно бабушка сглаживала дедовы шероховатости, именно она решала, когда Юлю стоит пожалеть, а когда — подбодрить.

Родители уходили в рейсы. Возвращались с загаром, с диковинными гостинцами из Сингапура, Вьетнама, Австралии — где только не бывали. Пахли солёным ветром и соляжкой, на два месяца превращали жизнь в праздник, а потом снова исчезали за горизонтом. Юля к этому привыкла рано. Не плакала по ночам, как поначалу переживала бабушка. Научилась собирать портфель сама, разогревать себе ужин и аккуратно вешать отглаженную форму в шкаф.

Квартира у Шубиных была просторная, четырёхкомнатная, в ведомственном доме для высшего офицерского состава — кирпичном, с высокими потолками, в престижном тихом районе. Дед получил её ещё по линии МВД, а в девяностые приватизировал. Генеральский доход позволял жить

без оглядки, родители присылали переводы из-за границы, Юлю одевали не хуже одноклассников, водили к лучшим врачам, никакой нужды семья не знала.

И когда она выросла и поступила в академию МВД — почти как дед, только с юбкой, — никто не удивился. Куда ж ей было идти, если она с пелёнок слышала разговоры о статьях, задержаниях, служебных проверках и генеральских совещаниях?

А потом появился Максим.

На третьем курсе. На празднике. Юля в форме стояла в оцеплении, а он — в модном пиджаке, с улыбкой, от которой подтаивали самые суровые сердца — прорывался через ленточку. Юля его задержала. Он не обиделся. Напротив, через час принёс ей кофе в пластиковом стаканчике и сказал: «Вы самая красивая полицейская в этом городе».

Через месяц они уже встречались. Через три Юля привела его знакомиться с дедом.

Генерал Шубин посмотрел на Максима долгим, тяжёлым взглядом — тем самым, от которого на допросах начинали заикаться убийцы. Протянул руку для пожатия, задержал на секунду дольше положенного. Ничего не сказал при госте — только бабушка, как умела, создавала уют, наливала чай и улыбалась.

Но когда Максим ушёл, дед повернулся к внучке:

- Сядь.

- Дед, ну что ты сразу? — Юля насупилась, но села. Деда

она знала: спорить можно, но послушаться — нет.

- Не внушает он мне доверия.

- Почему?

- Не знаю пока. Но чуйка молчит редко, — Василий Викторович потёр переносицу. — Слишком он нежный. Слишком правильный. Речи льёт — заслушаешься. А мужик не должен быть слишком гладким, Юля. Мужик должен быть с зазубринами.

- Дед, ну он хороший. Он цветы дарит.

- Жить где собираетесь после свадьбы?

Юля растерялась от резкого поворота:

- Ну... снимать пока. Или к нему. У него однушка в Чертаново...

- Слушай сюда, — голос деда стал жёстким, приказным, каким он разговаривал с подчинёнными. — Квартиру я тебе подарю. Нормальную квартиру. В хорошем районе. Не в Чертаново, а где людям жить положено. Только тогда выходишь замуж.

Юля открыла рот, но дед поднял руку.

- С условием. Не вздумай прописать туда своего Максима. Или того хуже – сделать совладельцем. Слышишь меня? Не вздумай.

- Но дед! — возмутилась Юля. — Он же мой муж будет! Как это — не прописывать? Мы семья!

- Семья — это хорошо, — голос генерала вдруг стал тише, но от этого только тяжелее. — Я за семью. Я сам почти

пятьдесят лет с твоей бабкой душа в душу. И бате твоему с матерью повезло — она с ним по морям мотается, друг друга не бросают. Но я старый мент, Юля. Я видел, как «любовь до гроба» полгода держалась, а потом хату пополам, детей через суд, кредиты на всю жизнь. Ты мой характер знаешь. Я не отступлюсь.

- Ты его просто в штыки воспринял с первого взгляда!

- И что? — Дед не повысил голоса, но это было страшнее крика. — У нас с твоей бабушкой знакомые есть. Риелторы хорошие. Квартиру я куплю. Хорошую. Метраж, район, ремонт — не экономлю. Я не жадный, ты знаешь. Но дарственную оформлю на тебя. Одну тебя. И если когда-нибудь я узнаю, что ты его туда вписала — я тебя квартиры лишу. Через суд. Не посмотрю, что внучка.

- Дед, ты же его вдоль и поперёк проверил! Ты не можешь так! — Юля вскочила.

- Могу, — спокойно ответил Василий Викторович. — И сделаю. Любишь — люби на здоровье. Замуж хочешь — выходи. Детей рожай. Я только за. Но поверь старому менту: моя чуйка ещё ни разу меня не подвела. Тебя обезопасить хочу. И своих будущих правнуков.

Он помолчал, налил себе чаю, добавил уже почти подомашнему:

- Ты... ты в меня пошла. Характер — броня, гордости — на взвод. И упрямства — как у танка. Тебе не карманная собачка нужна, Юля. Тебе нужен мужик, который сможет те-

бя осадить, когда ты на рожон лезешь. А ты себе выбрала... гладенького. Красивенького. Сладкоречивого. Думаешь тебе с таким всю жизнь будет комфортно, он тебе в рот будет заглядывать? Попомни мои слова – притрётся к тебе, присмотрится и подложит подянку, не задумываясь.

- Это моя жизнь, — тихо сказала Юля.

- Твоя. Каждый имеет право на ошибку, — не спорил дед. — Я тебе жить не мешаю. Но квартиру я дарю тебе, а не ему. И точка.

Он взял телефон, начал набирать номер:

- Савельич? Здорово, старый. Есть разговор. Квартира нужна для внучки. Трёшка. В хорошем районе. Не экономим. Но трезво. Давай завтра встретимся.

Он говорил спокойно, весомо, так, будто решал вопрос о закупке бронежилетов для управления. Юля сидела на диване, сжав губы. Она злилась на деда, но внутри понимала: переубедить его невозможно.

Квартиру дед нашёл быстро — трёшка в новострое, на юго-западе, с нормальным ремонтом, видом не на гаражи, а во двор с берёзами и детской площадкой. Метраж — под сто метров. Соседи — приличные люди. Район — тихий, зелёный, с хорошими школами.

Максим, когда увидел квартиру, присвистнул:

- Ничего себе дедушка у тебя...

- Дед, — поправила Юля.

- Дед, — улыбнулся Максим. — Теперь понятно, почему он так на меня смотрел. Проверял.

Он обнял её, поцеловал в макушку:

- Ничего. Я ему докажу.

На словах о прописке Максим отреагировал спокойно:

- Твой дед мудрый. И правильно. Всё у нас будет, вот увидишь. Ещё сам меня прописаться попросит.

Юля тогда подумала: какой же он взрослый. Как мудро всё принимает. Не спорит, не доказывает, просто улыбается и идёт дальше.

Шикарную свадьбу сыграли, подгадав, когда родители Юли были между рейсами. Мать плакала от счастья, отец жал Максиму руку, говорил что-то мужское про «береги». Дед сидел с каменным лицом, но тост сказал приличный, без задних мыслей. Бабушка Елизавета Юрьевна украдкой вытирала слёзы и шептала Юле на ухо: «Ты его, главное, слушайся. Дед плохого не посоветует». Родители Максима излучали счастье — «попал в очень приличную семью».

Стала Юля не Шубина, а Копылова. Фамилию мужа взяла. Медовый месяц провели в Турции — родители скинулись на путёвку. Фотки вывалили в соцсети: море, закаты, Максим несёт Юлю на руках, Юля смеётся.

А потом началась жизнь.

С детьми решили не торопиться. Юле оставался последний год учёбы в академии — выпуск, распределение, погоны. Максим рвался вверх по карьерной лестнице в своей тор-

говой компании, пропадал на совещаниях, приносил домой ворох бумаг и ночами что-то строчил в ноутбуке. Юля учила Уголовный кодекс, бегала на стрельбища, сдавала нормативы, ходила на тренировки по рукопашному бою. Дед с детства готовил её к тому, что «слабая женщина не имеет права быть слабой вдвойне».

В новой трёшке было просторно. Пока что пустовато — обживались постепенно. Юля вешала шторы, покупала посуду, привыкала к новой фамилии и к мысли, что она теперь замужняя женщина.

Дед звонил раз в неделю:

- Ну как вы там?

- Нормально, дед.

- Он не прописался?

- Нет.

- Умница. Целую.

И клал трубку.

Юля качала головой, вздыхала и шла на кухню заваривать чай. Иногда думала: ну сколько можно? Полгода прошло. Максим — муж, а живёт в квартире как гость. И дед всё проверяет.

Но спорить не решалась.

Впереди маячило будущее — офицерское, семейное, спокойное. Она уже почти доучилась, Максим почти дорос до повышения.

Она ещё не знала, что дедова чуйка ошиблась в этом мире

лишь один раз.

Глава 2

Юля получила погоны лейтенанта полиции в июне. Торжественная часть прошла в актовом зале, под марш, с напутственными словами от начальства. Дед сидел в первом ряду, прямой, как железобетонная опора, и даже когда внучка вышла на сцену, не улыбнулся — только чуть кивнул. Но Юля знала: если бы он мог, то расцеловал бы её при всех. Генеральская выдержка не позволяла.

После церемонии Василий Викторович подошёл, поправил у неё на плече погон, сказал коротко:

- Служи, но умнее меня будь. Я в твои годы иногда глупости делал.

- Какие? — улыбнулась Юля.

- Умные молчат, — усмехнулся дед и хлопнул её по плечу.

На распределение он повлиял — без стеснения, по-родственному, как умел. Не для того он генеральскую пенсию зарабатывал и связи растил, чтобы внучка в каком-нибудь опорном пункте на окраине участковые протоколы писала. Юлю определили в отдел по контролю за оборотом наркотиков — структуру серьёзную, оперативную, с перспективой. Коллектив там был мужской, жёсткий, начальник — мужик опытный, бывший опер, деда знал и уважал. «Присмотрю за твоей внучкой, Василий Викторович», — сказал при встрече. «Присматривай, но сюсюкаться не смей», — ответил дед.

Юля окунулась в работу с головой. Погоня лейтенанта оказалась тяжелее, чем она думала — не по весу, по ответственности. Оперативки, выезды, бумаги, иногда ночные смены. Она втягивалась быстро, дедова хватка и бабушкина усидчивость давали о себе знать. Муж смиренно относился к её ночным дежурствам, недовольства не показывал и ревности не проявлял.

У него тоже всё шло в гору. В торговой компании, где он работал, как раз освободилась должность руководителя отдела продаж. Конкуренция была приличная, но Максим своего не упустил: ходил на переговоры с директорами сети, таскал домой контракты, ночами строчил отчёты и презентации. Юля уже привыкла, что он засыпает с ноутбуком на груди.

Повышение он получил в августе. Пришёл домой с бутылкой дорогого виски и широкой улыбкой:

- Всё, Юля. Теперь я не просто менеджер. Начальник отдела.

- Поздравляю, — она обняла его, поцеловала.

- Теперь мы заживём, — сказал он и добавил, будто между прочим. — Кстати, а давай мы тебе новую машину купим? А то твой старый фольксваген... В общем не солидно для офицера полиции.

- Ты же знаешь — мне родители обещали на окончание подарить, — перебила Юля. — Мы уже обсудили. Отец сказал, подготовят что-то нормальное.

Максим расплылся в широкой улыбке:

- Ну значит, две новые машины будет. У меня, кстати, мыслишка появилась — «Рено» своё продать. Буду на чём-то посolidнее ездить — статус обязывает. Кредит возьму.

Юля спорить не стала по поводу кредита. Каждому мужчине хочется иметь машину посolidнее.

Через месяц он пригнал чёрную «Тойоту Камри» — с салона, в максимальной комплектации. Юля присвистнула:

- Ого. А это не слишком?

- Для начальника отдела? Самое то, — Максим похлопал по капоту. — Работа требует.

Свою машину Юля получила от родителей, когда они вышли на берег после восьмимесячного рейса. Отец лично завёз новенький «Хёндэ Крету» — компактный, но крепкий, для города и лёгкого бездорожья. «Чтоб ты ни в чём не нуждалась, дочка», — сказал он, обнимая. Мать шепнула на ухо: «Ты там Максиму своему сильно не давай командовать». Юля только улыбнулась.

Квартира тем временем обрастала уютом, как забор диким плющом. После спального гарнитура появился диван — огромный, мягкий, из которого не хотелось вылезать. Потом кухонный гарнитур, который выбирали два месяца и в итоге взяли тот, что сразу понравился в первом салоне. Потом шкафы, ковры, торшеры, мелкие безделушки, которые Юля привозила из командировок. (А Максим — из магазинов).

К концу второго года брака квартира стала почти такой же

уютной, как у бабушки с дедом. Юля любила зайти с порога, бросить ключи в чашку на тумбочке, вдохнуть запах кофе и домашнего текстиля. Максим, когда возвращался раньше, всегда ставил чайник.

Летом в редкие выходные они ездили к деду с бабушкой на дачу — участок в сорока километрах от города, старый, с яблонями и малинником. Дед там любил возиться с инструментом, бабушка — в огороде, но больше на веранде с книгой или вязанием. Юля приезжала, падала в гамак под старой грушей и читала — детективы, иногда научпоп, иногда просто листала ленту в телефоне.

Максим из кожи вон лез, чтобы угодить генералу. При нём он был внимательным, предупредительным, почти слащавым. Он подбегал к Юле, поправлял ей подушку на диване, приносил чай, укрывал пледом, если она задремала в гамаке. Таскал дрова, помогал деду с ремонтом калитки, поливал грядки — причём с такой старательностью, что казалось, будто он сдаёт экзамен на зятя года. Юлю периодически это подбешивало, но при деде и бабушке она смиренно принимала ухаживания мужа.

Бабушка уже попривыкла к Максиму и стала смотреть на него доверчивее.

Дед смотрел на это представление из-под густых бровей, покручивал усы и молчал. Только изредка, когда бабушка начинала ворчать: «Вась, ну что ты всё бухтишь? Ты посмотри, как он за ней ухаживает! Любит он её», — он отвечал,

со вздохом:

- Лиза, видно к старости ты глупее стала. Я, в отличие от тебя, этого хмыря насквозь вижу. Сладкий слишком. Сырно-масляный. Всё это игра.

- А вот и не игра! — горячилась бабушка. — Молодые люди, влюблены, притираются, почему ты не можешь порадоваться?

- Я радуюсь, — усмехался Василий Викторович. — Я тихо радуюсь. Но свою чуйку не отменял. Поглядим.

Однако в жизнь внучки он не лез, разлад в молодую семью не вносил. Приезжали — хорошо. Не приезжали — значит, заняты. Звонки раз в неделю были, но дед сам их инициировал, и вопросы стал задавать нейтральные: работа, здоровье, планы.

Мать Юли, Алевтина, когда случалась между рейсами, тоже иногда пыталась смягчить свёкра:

- Пап, ну не все же такие, как вы и мой Руслан. Мужчины разные бывают. Мягкие, заботливые. Вы привыкли командовать, а Юльке, может быть, именно такой и нужен. Домашний.

Василий Викторович тогда ставил кружку на стол, поднимал на сноху глаза — тяжёлые, выцветшие, но острые, как лёд по весне:

- Домашний? Сама то веришь, в то что говоришь? Ты, Алевтина, спасибо скажи, что твоей дочке я вообще разрешил замуж за этого прохиндея выйти.

- Пап, ну зачем вы так?

- Не спеши. Ещё не время ему свои карты раскрывать.

Чую я.

- И что же вы чувствуете, отец? — Алевтина начинала злиться.

- А то и чую, — не повышая голоса, отвечал генерал. —

Что человек, который слишком старается, всегда чего-то не договаривает. И когда он перестанет стараться — тогда и увидим, кто он есть на самом деле.

Алевтина вздыхала, махала рукой и уходила помогать све-крови по дому. Спорить со свёкром было бесполезно. Рус-лан не лез с разговорами о зяте к отцу. Знал, что скорее все-го прав. А переубеждать — себе дороже — разругаются. А тот факт, что Василий Викторович в итоге оказывался прав ча-ще, чем хотелось бы, только добавлял масла в огонь.

Так Юля с Максимом жили три года.

И ведь счастливо жили. По-настоящему. Без дураков. Так ей казалось.

Максим был ласковым, внимательным, никогда не повы-шал голоса. Он помнил все её привычки — что она не лю-бит петрушку в супе, что предпочитает крепкий чай слабо-му кофе, что засыпает только на левом боку. Он удивлял её маленькими подарками — то книгу купит, которую она раз-глядывала в магазине, то зарядку для телефона в машину, если заметил, что её старая барахлит. Он был терпеливым, когда у Юли случались тяжёлые смены и она приходила злая на весь мир — молча заваривал чай, ставил на тумбочку и

исчезал в другой комнате, давая ей время остыть.

Юля чувствовала себя нужной, любимой, в безопасности. У неё была интересная работа, хорошая квартира, любящий муж, надёжная семья. Всё шло своим чередом, как в хорошо отлаженном механизме — может быть, слишком аккуратно, слишком гладко.

Если бы она тогда знала, что дед, при всей своей правоте, ошибался лишь в одном — что Максим именно сейчас и раскрывает свои карты, просто их никто не умел читать. Но это открытие пришло позже.

А пока Юля смеялась, сидя в гамаке под грушей, Максим подносил ей чай с мятой, а дед хмурился и молчал.

Глава 3

Первый настоящий разлад случился не из-за денег, не из-за работы и даже не из-за деда. А из-за того, о чём Юля раньше старалась не думать — о детях.

Разлад начался с обычного воскресного вечера. Они сидели на кухне, Максим листал телефон, Юля пила чай и смотрела в окно. Во дворе молодая мама катала коляску. Юля проводила её взглядом и сказала почти без задней мысли:

- Слушай, Макс. А когда мы вообще планировать будем? Максим не сразу оторвался от экрана.

- Планировать — что? — переспросил он.

- Ну дети, — Юля пожала плечами. — Мы уже три года в браке. Квартира есть. У тебя работа, у меня работа. Стабильность. Может, пора подумать?

Тишина затянулась на несколько секунд дольше, чем нужно. Потом Максим отложил телефон — медленно, аккуратно, как будто боялся разбить — и улыбнулся той своей гладкой, отточенной улыбкой.

- Юленька, ну ты чего? Нам же хорошо сейчас. Зачем спешить, зайчонок?

- Я не спешу, — возразила Юля. — Я спрашиваю про планы. Когда — через год, через два? Или вообще никак?

- Ну почему сразу «никак», солнышко? — Максим пересел поближе, взял её за руку. — Всё будет. И дети, и внуки.

Но давай сначала ты дослужишься до нормальных погон? Не лейтенантом же будешь в декрет уходить. Надо на позицию встать. И я... — Он чуть запнулся. — Я хочу зам. директора получить. Понимаешь? Чтобы мы ничего не ждали от твоего деда. Чтобы сами.

Юля высвободила руку.

- Макс, я не жду от деда денег на детей. У нас своя семья. Я спрашиваю про нас. Про тебя и меня. Если мы сейчас не начнём планировать, то когда? В тридцать пять?

Голос у неё был ровный, но в глазах появилось то самое Шубинское упрямство, которое дед называл «броня».

Максим вздохнул, потёр переносицу — жест, который он, кажется, скопировал у генерала, но выходило у него совсем иначе, как-то...

- Ты права, — сказал он неожиданно. — Права, конечно. Но давай не сегодня, а? У меня завтра важные переговоры. Голова не тем занята. Ты только не надуйся, ладно?

Юля не ответила. Она встала, убрала чашку в мойку и ушла в спальню, не оборачиваясь. Через десять минут Максим зашёл следом, лёг рядом, обнял со спины и прошептал в затылок:

- Юль... не злись.

Она промолчала, откинув его руку.

Утром разговор не возобновился. Максим уехал на работу раньше обычного, оставив на столе записку: «Люблю тебя. Вечером сюрприз».

Юля прочитала, вздохнула и поехала в отдел.

К вечеру она почти забыла про вчерашнее — на оперативке накидали новых дел, и мысли о детях утонули в бумагах и планах мероприятий. Но когда она вернулась домой, Максим уже ждал. При параде: новая рубашка, запах хорошего парфюма.

Он протянул маленькую бархатную коробочку.

- Это тебе. В знак того, что я тебя люблю. И чтобы ты не думала, что я тебя не слышу.

Юля открыла. На тёмном фоне лежала тонкая золотая цепочка — не на шею, а на запястье. Изящная, почти невесомая, с крошечной подвеской в виде слоника — на удачу.

- Зачем? — тихо спросила Юля.

- Чтобы ты всегда помнила, что я рядом, — Максим застегнул замочек на её руке. — Это тебе не просто украшение. Это обещание.

Юля провела пальцами по цепочке. Золото приятно холодило кожу. Она хотела спросить: «Обещание чего?», но не спросила. Максим смотрел так тепло, так искренне, что все вчерашние сомнения показались вдруг мелкой обидой.

- Ну что ты, Юленька, надулась? — он поддел её подбородок пальцем. — Ты погончики новые получишь, я ещё по лесенке поднимусь — и всё у нас будет чики-пуки. Дети? Будут. Всему своё время. А пока давай просто будем счастливы. Хорошо?

Юля кивнула.

Он отвёз её в ресторан — дорогой, с белыми скатертями и живым пианистом. Заказал устрицы, розовое вино, десерт с золотыми хлопьями. Говорил комплименты, держал за руку через стол, смешил какими-то рабочими историями. К официанту обращался «шеф», к пианисту — «маэстро».

Юля расслабилась. Вино текло по венам, вымывая остатки утреннего осадка. Она почти поверила, что переволновалась из-за ерунды. Вон как старается — шикает для неё. Ну подумаешь, не хочет он пока говорить о детях. Мужики вообще не любят планировать вслух. Придёт время — захочет сам.

Поздним вечером они вернулись домой, и Максим был нежен — особенно, настойчиво, почти благодарно. Юля закрыла глаза и позволила себе забыть про всё. Про работу, про детей, про дедово ворчание. В эти минуты он снова был тем самым Максимом, которого она полюбила. Гладким, тёплым, правильным.

А потом всё кончилось.

Максим скатился с неё, повернулся на бок и — через десять секунд — уже засопел. Без «спасибо», без поцелуя в плечо, без объятий. Просто выключился, как гаджет на ночь.

Юля лежала на спине, глядя в потолок. Золотая цепочка чуть давила на запястье. В комнате было тихо, только ровное дыхание мужа и далёкий шум машин за окном.

И вдруг, откуда-то изнутри, из-под рёбер, поднялось странное чувство. Не обида. Не злость. А что-то другое —

липкое, холодное, как первый осенний туман над болотом.

Тревога.

Юля не могла объяснить, чего именно она боялась. Максим был рядом. Он только что подарил ей украшение, свозил в ресторан, был ласков и внимателен. Сделал всё, чтобы загладить вчерашнее. Так почему же ей вдруг стало неуютно в собственной постели?

Она повернула голову, посмотрела на его спину. Широкие плечи, плавный изгиб позвоночника — она знала каждую родинку, каждую линию. Любила его. Правда любила. Но в этот момент он показался ей чужим. Не человек, а картинка. Идеально нарисованная, а что за ней — непонятно.

«Глупости, — сказала она себе. — Придумываю. Дедушкины закидоны передались по наследству».

Она поправила одеяло, легла на бок, спиной к Максиму, и долго ещё слушала его сопение, прежде чем сон наконец пришёл.

Она не знала тогда, что эта ночь — первая трещина. Не ссора, не битие посуды, не хлопанье дверями. Тонкая, почти незаметная — но туда позже прольётся вода, а зимой ударит морозом, и трещина поползёт дальше. Но это будет потом.

А пока Юля спала, и золотой слоник на её запястье блестел в темноте, будто улыбался.

Глава 4

После той ночи в Юле что-то щёлкнуло. Не перелом, не озарение – так, сдвиг на полградуса. Она перестала воспринимать Максима как должное и начала к нему «приглядываться».

Сначала это было почти бессознательным. Просто она вдруг заметила, как он говорит по телефону. Не с кем попало, а с каким-то «Евгением Алексеевичем».

Звонки эти случались регулярно. Максим уходил с телефоном на кухню или на балкон, говорил негромко, вкрадчиво, чуть ли не мурлыкающе. Юля сначала не придавала значения – ну работа, ну коллеги, ну начальство. Оправдывался, что ему нужно «подстроиться» под график жены. Но чем чаще она слушала, тем отчётливее понимала: «интонация была не мужской».

С мужчинами так не говорят. И просто с женщинами – тоже.

- Евгений Алексеевич, мы всё решили? — Максим стоял у окна на кухне, прикрыв дверь, но Юля всё равно слышала. — Да, я понимаю. Конечно. Вы как скажете. Нет-нет, что вы, я полностью доверяю. Да, договора уже готовы. Как вам будет удобно. В среду? Отлично. Буду ждать.

Он слушал, улыбаясь — Юля видела его отражение в стекле. Улыбка была не деловая, не вежливая, а какая-то... «соб-

ственническая», что ли. И голос — мягкий, почтительный, но с ноткой фамильярности, которая не вязалась с субординацией.

«Евгений Алексеевич», — повторила про себя Юля. Имя мужское, отчество мужское. Значит, начальник-мужчина. Но почему тогда такая интонация? С дедом Василий Викторовичем он разговаривал иначе — с уважением, с подхалимством. С её отцом, — нейтрально-спокойно. А тут... ласково, будто с любимой женщиной. Мороз пробежал по коже.

Она отогнала эту мысль как бредовую. Мало ли людей с нестандартной манерой речи?

Но через неделю заметила ещё раз. Потом ещё.

И тревога, утихнувшая после ресторана, вернулась — тихая, негромкая, но настойчивая, как зубная боль, которая отпускает, а потом снова ноет.

Юля решила действовать.

У неё был плюс, которого Максим не учитывал: работа в наркоконтроле подразумевала гибкий график. Не каждый день оперативки, не каждый день выезды. Иногда она могла уйти в отгул. И она решила этим воспользоваться.

Не потому, что не доверяла. А потому, что хотела «убедиться», что тревога — глупость.

- Макс, у меня в субботу дежурство, — сказала она в пятницу вечером. — Оперативное мероприятие, сама не рада.

Максим кивнул, не отрываясь от ноутбука:

- Жаль. Ну ладно, делами займусь.

- Какими делами?

- Да съезжу в центр, там арендаторы по магазинам, надо сверить договора, — он сказал это небрежно, почти сучающе. — Всё равно ты на работе.

В субботу утром она надела форму, поцеловала Максима в щёку, вышла из дома... и через два квартала остановилась, сняла китель, засунула в пакет, надела куртку и вызвала такси.

Не в отдел.

В огромный центр, где работал Максим.

Она назвала адрес — флагманский магазин. Огромный молл на пересечении двух магистралей, три этажа, стекло и бетон.

Юля приехала к одиннадцати. Зашла не через главный вход, а со стороны парковки, поднялась на второй этаж — офисные помещения там были за стеклом. Она не знала точно, где кабинет мужа, но помнила: он говорил, что их офис напротив фуд-корта.

Она нашла его быстро.

Обычная стеклянная перегородка, дверь с табличкой «Отдел продаж. Руководитель — Копылов М.К.». Внутри — несколько столов, компьютеры, сотрудники.

Максима не было видно.

Был слышен.

Он уже был на работе. «Как быстро» — подумала Юля. Максим стоял за углом, в небольшом переговорном помеще-

нии с открытой дверью, и говорил с кем-то. Юля остановилась у колонны, невидимая, замерла.

- Ну вы меня балуете, — голос Максима был тем самым — ласковым, почти мурлыкающим. — Такой контракт, спасибо огромное. Я перед вами в долгу. Нет-нет, что вы, я справлюсь. Да, всё сделаю в лучшем виде. Могу приехать сегодня. А во сколько вы освободитесь?

Пауза. Максим тихо засмеялся — не деловым смехом, а каким-то другим, тёплым.

- Да, я помню. Ресторан. Обязательно. Вы только скажите, когда.

Юля замерла. Ресторан?

Её кольнуло где-то под ложечкой.

Она хотела уже уйти — незачем ей тут, глупости, деловая встреча у мужа, первый раз что ли — как из-за угла вышли две девушки из соседнего отдела с пластиковыми стаканчиками. Они не заметили Юлю, говорили между собой:

- ...да уж, везёт Копылову. Хозяйская дочка его буквально за ручку ведёт.

- Ага, «ведёт». Знаем мы, как она его «ведёт», — вторая хохотнула негромко, но отчётливо.

- Тише ты, услышат.

- Да он туда пошёл, в переговорку. А Евгения Алексеевна сегодня не приезжала, слава богу. А то опять бы сидели, дверь закрывши, час-полтора.

- Ты думаешь, они...?

- А ты думаешь, его за что повесить хотят так быстро? Евгения Алексеевна, конечно, дама серьёзная, но на молодых мужиков западает — ого-го. Нашла себе новое увлечение.

Девушки засмеялись и скрылись за углом.

Юля стояла, вжавшись в колонну, и не дышала.

«Евгения Алексеевна. Не Евгений Алексеевич. Она.»

Всё вдруг встало на место. Ласковый голос, тот самый ресторан, повышение по службе, подарки, командировки. И то, как Максим говорил «Вы как скажете» — не подчинённый начальнику-мужчине, а «игрушка» хозяйке.

Юлю накрыло. Холодом и какой-то вязкой, тошнотворной волной. Она чувствовала, как предательство подступает к горлу, но не выплёскивается наружу. Внутри Шубина включила режим — тот самый, которым дед гордился. Не скандалить. Не разбираться. Собрать информацию.

Уйти красиво.

Она отошла от колонны, развернулась и почти столкнулась с Максимом, который вышел из переговорной с телефоном в руке. Он не ожидал её увидеть — на лице мелькнула тень, быстрая, как удар, но тут же сменилась улыбкой.

- Юль? Ты чего здесь? Ты же на дежурстве?

Юля мгновенно нашлась. Дед не зря учил: «Хочешь врать — верь в свою ложь».

- Плохо мне стало, — сказала она, голосом усталым и немного сонным, как будто правда болит голова. — Прямо по пути на вызов. Решила заскочить к тебе, отпросилась с де-

журства. А тебя ищу. Думала, может, домой вместе поедем? Максим выдохнул. С облегчением.

Она заметила — и от этого стало ещё больнее.

- Конечно, солнышко, конечно, — он обнял её, поцеловал в макушку. — Ты иди, садись в машину, я сейчас документы возьму и поехали. Отлежишься дома. А то и правда вид у тебя... бледный какой-то.

Он не спросил, что именно случилось. Не предложил вызвать врача. Не спросил, как она вообще оказалась именно здесь, когда должна была быть на другом конце города.

Он был «рад», что она уходит.

По дороге домой Максим что-то рассказывал про договора, про арендаторов, смеялся. Юля кивала, смотрела в окно и машинально перебирала пальцами золотую цепочку на запястье.

«Слоник», — подумала она. — «На удачу».

Как же вовремя.

Глава 5

После того дня в торговом центре Юля вернулась домой другой. Не внешне — внешне она осталась всё той же Копыловой: спокойной, собранной, с ровной спиной и холодными глазами. Но внутри — Шубиной. Всё сжалось в тугую, болезненный узел, который разрывался каждый раз, когда Максим к ней прикасался.

А он прикасался. По привычке, по обязанности, по программе, которую сам для себя написал: «хороший муж должен быть нежным с женой».

Целовал в щёку утром. Обнимал за талию на кухне. Хлопал по попе, когда она проходила мимо. Вечером, лёжа в кровати, гладил её по спине, запускал руку под футболку, дышал в затылок.

И каждый раз Юлю подташнивало. Буквально. Физически.

Она чувствовала его пальцы на своей коже, и внутри поднималась горячая, солёная волна, которая сворачивала желудок узлом. Она сжимала зубы, считала про себя до десяти, ждала, когда он уберёт руку. Он убирал — она выдыхала. Но ненадолго. Потому что самым страшным был секс.

Они перестали быть страстной парой последнее время. Всё было предсказуемо, по расписанию. Два-три раза в неделю, обычно в выходные. Хотя для молодой пары, в их воз-

расте, это должно казаться странным. Но Максим стал инициировать это сам, спокойно, без сантиментов: «Юль, давай не сегодня. Лягу пораньше? Устал» или «Иди сюда, я соскучился». И она шла.

А теперь? Если отказать — начнутся вопросы.

Теперь отказывать было жизненно необходимо. Но нельзя.

Юля придумала ход сама, без подсказок. Характер Шубиных сработал как часы: если не можешь избежать — минимизируй ущерб.

- Макс, нам нужно поговорить, — сказала она за ужином через день после похода в торговый центр.

Он сразу насторожился — взгляд стал быстрее, пальцы сжали вилку.

- Что-то случилось?

- Я была у врача, — Юля говорила ровно, без дрожи. — Женские дела. Понимаешь, я давно пью противозачаточные, и они начали влиять на... ну, на общее состояние. Врач сказал, нужен перерыв. Месяца два-три.

По лицу Максима пробежала тень. Он явно просчитывал варианты: нежелательная беременность, сбой цикла, неудобства.

- И что предлагает врач? — спросил он осторожно.

- Пользоваться пока барьерными методами, — Юля произнесла «барьерными» так сухо и казённо, будто докладывала на оперативке. — То есть презервативами. Это не страшно.

но, просто раньше мы не практиковали. Но несколько месяцев — пережить можно.

Максим молчал пять секунд, потом кивнул:

- Ну если надо для здоровья, то конечно. Куплю завтра.

Он спросил про результаты анализов? Нет. Про самочувствие? Нет. Про то, что вообще за врач, что сказал, когда повторный приём? Тоже нет. Его волновала только механика процесса: доступность, удобство, отсутствие рисков.

Юля заметила это и не удивилась. Она уже почти перестала удивляться.

Через два дня всё случилось впервые — по-новому.

Максим подошёл к делу ответственно. Купил три упаковки, разных — тонкие, супертонкие, с еле уловимым запахом. Включил негромкую музыку, зажёл свечи. Был нежен, предупредителен. Юля лежала с закрытыми глазами и считала.

Раз. Ещё раз. Скорее бы.

Каждое движение отдавало в живот тошнотой. Она чувствовала его дыхание на своей шее, тяжёлое, с лёгким присвистом. Пахло от него каким-то сладковатым парфюмом, смешанным с потом — и эту смесь хотелось смыть с себя кислотой.

Она заставляла себя лежать спокойно, иногда тихо вздыхать для правдоподобия, иногда класть руку ему на спину — туда, где не было липко.

Максим «отработал программу», как она про себя называла. Ни рано, ни поздно — ровно столько, сколько положе-

но по среднестатистическому супружескому стандарту. Ска-
тился с неё. Стянул с себя использованный презерватив, по-
ложил на пол «завтра выкину». Поцеловал в плечо — отстра-
нённо, будто штамп поставил, — повернулся на бок и через
пару минут засопел.

Юля не шевелилась, слушая его ровное дыхание. Потом
медленно встала, накинула халат и ушла в ванную.

Там, за закрытой дверью, при включённой воде, она нако-
нец позволила себе то, что копилось несколько дней.

Она плакала. Не красиво — не с драматичными всхлипа-
ми и размазанной тушью. А по-бабьи, тяжело, с утробными,
рвущими грудную клетку рыданиями, зажатými кулаком в
рот.

Она встала под горячий душ и тёрла себя мочалкой так,
будто пыталась содрать слой кожи. Шею, грудь, живот — вез-
де, где он касался. Намыливала, смывала, намыливала снова.
Вода стекала по лицу, смешиваясь со слезами.

Золотая цепочка блестела на запястье — она её не снима-
ла. Слоник скалился из-под мыльной пены.

Она смотрела на свои покрасневшие, растёртые до полос
руки и вдруг задала себе вопрос — ровно, спокойно, как учат
на допросах:

«Когда это началось?»

Ответ пришёл быстро. Слишком быстро. Она прокрутила
в голове последние месяцы, как катушку с плёнкой.

Месяцев шесть-семь назад Максим вдруг стал пропадать

на работе дольше обычного.

Пять месяцев назад он перестал смотреть на неё во время секса — глаза были закрыты или уставлены в потолок.

Четыре — купил себе новые часы и начал пользоваться другим парфюмом.

Три — уехал в двухдневную командировку, но не позволил ни разу.

Два — подарил цепочку.

Один — она узнала про Евгению Алексеевну.

Полгода.

Полгода он врал ей. Полгода жил с ней — и с кем-то ещё. Полгода смотрел в глаза, целовал, говорил «люблю», ложился в одну постель — и всё это время у него была другая. Дочь хозяина компании. Та самая, которая «за ручку ведёт».

Юля прислонилась лбом к холодной плитке и закрыла глаза.

Что-то нужно было делать.

Она не могла жить в этом спектакле дальше. Не могла каждую ночь отмываться в душе. Не могла смотреть, как он улыбается и строит свои планы. Не могла играть в счастливую жену перед дедом, бабушкой, родителями.

Но как?

Максим осторожен. Она это поняла сразу, как только услышала тот разговор в торговом центре. Он не оставляет следов. Не говорит лишнего. Он чистит переписку. Он аккуратен настолько, что дед, старый генерал с полувековым

опытом, не смог предъявить ему ничего, кроме «чуйки».

А чуйка — не доказательство. Чуйку в суд не понесёшь. Чуйку деду не предъявишь, когда он спросит: «Ну что я тебе говорил?».

Нужны были факты.

Юля выключила воду, встала красная, опухшая от слёз. Посмотрела на себя в зеркало. Из зеркала на неё смотрела женщина, которую она не узнавала с первого взгляда — уставшая, побитая, но с глазами, в которых ещё теплился огонь. Шубинский огонь.

«Я не позволю ему сломать меня», — сказала она своему отражению. — «Я соберу доказательства. И тогда — развод».

Она вытерлась, нанесла крем,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.